QO‘QON DAVLAT PEDAGOGIKA INSTITUTI ILMIY XABARLARI
(2026-yil 7-son)
FILOLOGIYA
PHILOLOGY
https://doi.org/10.70728/b.series.fil.v08.i07.086

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ ЗООНИМ ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ, ПРОЦЕССЫ, СИТУАЦИИ И ЯВЛЕНИЯ.

Научный руководитель: ***Расулова Камола Юнусжановна***
Институт языков и культуры народов Центральной Азии
Самаркандский государственный университет
имени Шарофа Рашидова, Самарканд, Узбекистан
Email: kamola.rasulova.84@mail.ru
Рахмонова Барно Рустамовна
магистрант 1 курса
Института языков и культуры народов Центральной Азии
Самаркандского государственного университета
имени Шарофа Рашидова, Самарканд, Узбекистан
Gmail: rahmonovabarno14@gmail.com

Аннотация В данной работе будет исследован фразеологический пласт русского и узбекского языков с компонентами зооним, которые считаются аналогичными и обозначают неодушевленные предметы процессы, явления и ситуации. Целью статьи является анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, обозначающих неодушевлённые предметы, ситуации и явления, а также выявление их семантических и национально-культурных особенностей. В работе используются методы семантического, контекстуального и описательного анализа, а также элементы когнитивного подхода. В результате установлено, что зоонимические фразеологизмы, несмотря на наличие компонента, связанного с животным миром, активно используются для характеристики абстрактных и неодушевлённых реалий. Показано, что их значение формируется на основе метафорического переноса, отражающего антропоцентрическую направленность языка. Выявлено, что данные фразеологические единицы обладают высокой степенью образности, экспрессивности и культурной маркированности, а также отражают национально-специфические особенности восприятия действительности. Сделан вывод о том, что зоонимические фразеологизмы являются важным средством концептуализации окружающего мира и прагматизации культурного опыта в языке.

Ключевые слова: фразеологизм с компонентом зооним, антропоцентризм, семантическая структура, метафорический перенос, языковая картина мира, национально-культурная специфика, образность.

Abstract This paper examines the phraseological layer of the Russian and Uzbek languages, focusing on phraseological units with a zoonymic component that are considered equivalent and denote inanimate objects, processes, phenomena, and situations. The aim of the article is to analyze phraseological units with a zoonymic component referring to inanimate entities and to identify their semantic and national-cultural features. The study employs semantic, contextual, and descriptive methods, as well as elements of the cognitive approach.

The results demonstrate that zoonymic phraseological units, despite containing components related to the animal world, are widely used to characterize abstract and inanimate realities. It is shown that their meaning is formed through metaphorical transfer, reflecting the anthropocentric orientation of language. The analysis reveals that these phraseological units are highly figurative, expressive, and culturally marked, and they reflect nationally specific patterns of perceiving reality. It is concluded that zoonymic phraseological units serve as an important means of conceptualizing the surrounding world and pragmatizing cultural experience in language.

Keywords: phraseological unit with a zoonymic component, anthropocentrism, semantic structure, metaphorical transfer, linguistic worldview, national-cultural specificity, figurativeness.

Annotatsiya Mazkur ishda rus va o‘zbek tillaridagi zoonim komponentli frazeologik birliklar qatlami o‘rganiladi. Ushbu birliklar o‘zaro muqobil hisoblanib, jonsiz predmetlar, jarayonlar, hodisalar va vaziyatlarni ifodalaydi. Maqolaning maqsadi jonsiz predmetlar, vaziyatlar va hodisalarni ifodalovchi zoonim komponentli frazeologik birliklarni tahlil qilish hamda ularning semantik va milliy-madaniy xususiyatlarini aniqlashdan iborat. Tadqiqotda semantik, kontekstual va tavsifiy tahlil usullari, shuningdek, kognitiv yondashuv elementlaridan foydalanildi.

Natijalar shuni ko‘rsatadiki, tarkibida hayvon nomlari mavjud bo‘lishiga qaramay, bunday frazeologik birliklar abstrakt va jonsiz realliklarni ifodalashda keng qo‘llaniladi. Ularning ma’nosi metaforik ko‘chish asosida shakllanib, tilning antropotsentrik yo‘nalishini aks ettiradi. Tahlil natijasida ushbu frazeologik birliklarning yuqori darajadagi obrazlilik, ekspressivlik va madaniy belgilanganlik xususiyatlariga ega ekani aniqlandi. Shuningdek, ular voqelikni milliy o‘ziga xos tarzda idrok etish xususiyatlarini aks ettiradi. Xulosa qilib aytganda, zoonimli frazeologik birliklar til orqali olamni konseptuallashtirish va madaniy tajribani pragmatik jihatdan ifodalashning muhim vositasi hisoblanadi.

Kalit so‘zlar : zoonim komponentli frazeologik birlik, antropotsentrizm, semantik tuzilma, metaforik ko‘chish, til manzarasi, milliy-madaniy xususiyat, obrazlilik.

Введение

Фразеологические единицы в современной лингвистике рассматриваются как один из наиболее сложных и многогранных уровней языковой системы, отражающий как структурно-семантические, так и когнитивно-культурные особенности языка. Их изучение занимает важное место в рамках антропоцентрической парадигмы, поскольку именно во фразеологии наиболее ярко проявляется связь языка с мышлением, культурой и национальным мировосприятием.

Фразеология как особый уровень языковой системы отражает не только структурно-семантические особенности языка, но и специфику национального мировидения, культурно-исторический опыт и ценностные установки носителей языка. Особое место в системе фразеологических единиц занимают фразеологизмы с компонентами-зоонимами, поскольку образы животных традиционно используются человеком для концептуализации окружающей действительности, оценки явлений и процессов, а также для вторичной номинации как одушевлённых, так и неодушевлённых объектов.

В лингвистике на протяжении длительного времени внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на зоонимических фразеологизмах, характеризующих человека: его внешность, поведение, нравственные качества, эмоциональные состояния. Однако не менее значимым представляется пласт фразеологических единиц с компонентами-зоонимами, обозначающих неодушевлённые предметы, ситуации, явления и процессы. Именно эти единицы демонстрируют высокий уровень абстракции зоометафорического мышления и позволяют выявить когнитивные механизмы переноса признаков животного мира на объекты иной онтологической природы.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе фразеологизмов с компонентами-зоонимами, обозначающих неодушевлённые предметы, явления, ситуации и процессы в русском и узбекском языках, а также в выявлении сходств и различий в их семантической структуре и культурной обусловленности. Теоретической базой исследования послужили труды В. В. Виноградова, В. Н. Телия, Ш. Рахматуллаев, в которых заложены фундаментальные положения теории фразеологии и фразеологической семантики.

В «Большом энциклопедическом словаре по языкознанию» фразеологизм определяется как обобщающее понятие, охватывающее устойчивые сочетания слов и целые предложения, которые отличаются от свободных синтаксических конструкций.[2, 560]. Их специфика заключается в том, что они не формируются в речи по общим правилам сочетаемости лексических единиц, а воспроизводятся как готовые структуры, обладающие закреплённым соотношением значения и определённой лексико-грамматической формой.

В. В. Виноградов рассматривал фразеологические единицы как устойчивые сочетания слов с целостным, неделимым значением, не выводимым из значений их компонентов. Учёный подчёркивал, что фразеологизм является результатом

семантического переосмысления свободного словосочетания и обладает особой образностью, закреплённой в языковом сознании [3, 121–123]. В рамках предложенной им классификации (фразеологические сращения, единства и сочетания) зоонимические фразеологизмы, обозначающие неодушевлённые явления, чаще всего относятся к фразеологическим единствам и сращениям, поскольку их значение мотивировано метафорическим образом животного, но не поддаётся прямой логической декомпозиции.

В современной лингвистике фразеологические единицы всё чаще рассматриваются в русле антропоцентрического подхода, который акцентирует внимание на человеке как центральном элементе языковой системы. Актуализация данного подхода в последние десятилетия обусловила переосмысление лексико-фразеологического фонда языка с точки зрения отражения в нём человеческого опыта, мышления и оценки действительности.

В рамках изучения лексики А. А. Уфимцева предлагает классификацию языковых единиц, характеризующих человека по различным параметрам: биологическим и антропологическим признакам (пол, возраст, внешность), социальным и трудовым отношениям, а также по сфере психической деятельности и эмоционально-оценочным характеристикам[6, 89]. Подобный подход демонстрирует, что язык фиксирует не только объективные свойства мира, но и субъективное восприятие человеком окружающей действительности.

Более детализированную модель описания человеческой природы в языке разрабатывает Ю. Д. Апресян, выделяя такие семантические сферы, как восприятие, физиологические состояния и реакции, физическая и интеллектуальная деятельность, желания, эмоции и речь [1, 46.]. Тем самым человек в языке представлен как активный субъект, осуществляющий физические, мыслительные и коммуникативные действия.

Рассмотренные положения имеют непосредственное отношение к анализу фразеологизмов с компонентом-зоонимом, обозначающих неодушевлённые предметы, ситуации и явления. Несмотря на то что данные фразеологические единицы формально соотносятся с животным миром, их семантика формируется в антропоцентрическом ключе. Человек, осмысляя окружающую действительность, переносит свойства животных на различные абстрактные или неодушевлённые объекты, тем самым придавая им образность и оценочность.

Так, зооним в составе фразеологизма выполняет функцию своеобразного семантического посредника: через него осуществляется метафорическое осмысление явлений действительности. В результате неодушевлённые предметы и ситуации получают характеристики, изначально присущие живым существам, но интерпретированные через призму человеческого опыта. Подобные фразеологизмы демонстрируют, что даже при обозначении неживых реалий язык остаётся ориентированным на человека, его восприятие и оценку мира.

Таким образом, антропоцентрический подход позволяет рассматривать зоонимические фразеологизмы не только как средство номинации, но и как отражение когнитивных механизмов, посредством которых человек структурирует и интерпретирует окружающую действительность, включая сферу неодушевлённых предметов, ситуаций и явлений.

Так, выражение *когда рак на горе свистнет* относится к фразеологическим сращениям, поскольку значение невозможности события полностью утрачивает связь с реальным образом животного [, 156].

Эквивалент в узбекском языке у этого фразеологизма передается лишь по семантическому сходству, но фразеологической единицы структурного тождества с образом рака не существует : *tuyaning dumi yerga tekkanda.*

В. Н. Телия рассматривала фразеологизм как носитель культурной информации и подчёркивала его роль в репрезентации национально-культурных стереотипов. Согласно Телии, образная основа фразеологизма формируется на базе культурно значимых концептов, а зоонимы выступают как символы, закреплённые в коллективной памяти этноса [6, 38–41]. Примером ФЕ с компонентом зооним обозначающий процесс может выступать выражение «делать из мухи слона», который соответствует узбекскому *pashadan fil yasash*- оба фразеологизма обозначают преувеличивать [4, 67].

С точки зрения культурной семантики, зоонимические фразеологизмы, обозначающие неодушевлённые предметы и процессы, отражают способы интерпретации абстрактных категорий через наглядные, телесно и чувственно воспринимаемые образы животного мира. Например, фразеологизм *рыба гниёт с головы* концептуализирует социально-политический процесс через биологический образ, универсально понятный носителям языка. *Мурашки по телу (спине, коже)*- об ощущении озноба от волнения.[4, 216]- *eti jimirlab ketdi*- это выражение описывающее физиологическую реакцию человека на эмоциональное или физическое воздействие.

В узбекском языкознании значительный вклад в изучение фразеологии внёс Ш. Рахматуллаев, который рассматривал фразеологические единицы как результат исторического и культурного развития языка. Учёный подчёркивал, что фразеологизмы узбекского языка тесно связаны с традиционным укладом жизни, хозяйственной деятельностью и этническими представлениями народа [9, 64–67].

В современной узбекской лингвистике значительное внимание уделяется исследованию семантической структуры фразеологических единиц. По мнению узбекского исследователя А. Маматова, фразеологические единицы представляют собой устойчивые языковые комплексы, обладающие целостным значением и функционирующие в речи как готовые номинативные средства. Их семантика не является простой суммой значений отдельных компонентов, поскольку в процессе исторического развития языка формируется единое переносное значение, закреплённое в языковой системе.[8, 15-16].

Данное положение особенно ярко проявляется в зоонимических фразеологизмах, где компонент-зооним выступает в качестве образного носителя определённых семантических и культурных характеристик. В таких выражениях названия животных утрачивают своё прямое номинативное значение и приобретают переносный смысл, отражающий определённые черты человеческого характера, поведения или эмоционального состояния.

А. Маматов также отмечает, что устойчивость фразеологических единиц проявляется в их воспроизводимости в речи и структурной фиксированности.[8 С.22.]. Это в полной мере относится и к зоонимическим фразеологизмам, которые функционируют в языке как готовые образные модели. Они не создаются заново в каждом речевом акте, а воспроизводятся носителями языка в уже закреплённой форме.

Кроме того, исследователь подчёркивает образную природу фразеологических единиц, возникающую в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний.[8 С. 34-35]. Именно этот механизм лежит в основе формирования зоонимических фразеологизмов. Образ животного становится источником метафорического переноса, благодаря которому формируются устойчивые выражения, характеризующие человека или различные жизненные ситуации. Например, в узбекской фразеологии широко используются образы верблюда, лошади, овцы и осла, что связано с традиционным хозяйственным укладом и культурными представлениями узбекского народа.

Таким образом, зоонимические фразеологизмы представляют собой особый пласт фразеологического фонда языка, в котором наиболее ярко проявляется взаимосвязь семантической структуры фразеологизма, образного мышления и национально-культурной специфики. Через подобные выражения в языке закрепляются исторический опыт народа, особенности его мировосприятия и культурные ценности.[8 С.48].

Зоонимические фразеологизмы узбекского языка отражают национально-культурные особенности, связанные с историей, традициями и образом жизни узбекского народа. Их формирование происходило под влиянием кочевых традиций, земледельческого уклада и исламской культурной среды. Как отмечают исследователи, значительную роль в узбекской фразеологии играют зоонимы, связанные с традиционным хозяйством, прежде всего животноводством, что обусловлено историческим опытом народа. В узбекской фразеологической системе широко представлены образы таких животных, как tuya -верблюд, qo‘y -овца, ot - лошадь. Например, фразеологизм tuya dumining yerga tekkandami дословно: достиг ли хвост верблюда земли используется для обозначения события, которое никогда не произойдёт. Данное выражение отражает наблюдения за особенностями животного мира, характерного для региона Центральной Азии. Аналогично фразеологизм qo‘y og‘zidan cho‘p olmagan дословно: «не взял даже соломинку изо рта овцы»

характеризует человека как кроткого, спокойного и безобидного. Подобные фразеологические единицы демонстрируют тесную связь языка с материальной культурой и хозяйственной деятельностью народа, а также отражают национально-специфические представления о человеческих качествах.

Зоонимические фразеологизмы в узбекском языке нередко выступают средствами номинации процессов и ситуаций, при этом в ряде случаев наблюдается семантическое соответствие русским единицам *baliq boshidan sasiydi - рыба гниёт с головы*, а в других - лакунарность или замещение зоометафоры иными образными моделями. Но есть другое выражение которое имеет идентичную интерпретацию с образом рыбы – вскормлю рыбам – baliqlarga yem qilmoq, только этот фразеологизм встречается в медийном дискурсе и имеет прагматический характер использования в речи.

Фразеологизмы с зоонимами, обозначающие неодушевлённые явления и ситуации используются для характеристики временных, количественных и качественных параметров явлений. Так, русское выражение *вставать до первых петухов и* узбекское *xõroz qichqirmaguncha* обозначают раннее время суток и восходят к аграрному укладу жизни, где поведение домашних животных служило естественным ориентиром времени.

Фразеологизм *куры не клюют* -очень много, *кот наплакал*- мало, *короче воробьиного носа*- коротко не продолжительно,не имеет прямого зоонимического эквивалента в узбекском языке, что свидетельствует о фразеологической лакунарности и различии образных моделей количественной оценки.

Особый интерес представляют фразеологизмы, в которых зоонимы участвуют в номинации процессов и состояний: *тянуть кота за хвост* намеренно затягивать процесс, *идти черепашьим шагом* двигаться очень медленно. В узбекском языке им соответствуют фразеологизмы *toshbaqadek sudralmoq*, что указывает на универсальность образа животного как когнитивной модели темпа действия.

Зоонимическая метафора и культурные различия. Представлены в

русском фразеологизме *барашек в бумажке*- взятка, демонстрирует использование зоонима в символической функции, где животное обозначает материальную ценность, скрываемую под видом подарка. В узбекском языке данное значение реализуется через иные метафорические модели *qo‘lini moylash*, что отражает различие национально-культурных способов концептуализации социального явления.

Полная эквивалентность наблюдается и в устойчивых выражениях таких как: *собака лает караван идет- it xurrar, karvon õtar; или цыплят по осени считают- jõjani kuzda sanaymiz.* Культурные убеждения передаются из поколения в поколение .

Заключение

Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентами-зоонимами, обозначающих неодушевлённые предметы, явления и процессы, позволяет сделать

вывод о наличии как универсальных, так и национально-специфических черт в русской и узбекской фразеологической системах. Универсальность проявляется в использовании зоометафоры для осмысления абстрактных категорий, тогда как специфика обусловлена культурно-историческим опытом и традициями каждого народа. С точки зрения антропоцентрического подхода изучения фразеологических единиц с компонентами зооним представляют детализированную модель описания человеческой природы, и эти положения непосредственно имеют отношение к анализу фразеологических единиц с компонентом зооним, обозначающие неодушевлённые, предметы, процессы, ситуации и явления, так как их семантика формируется в атропоцентрическом ключе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995. — С. 355–363.

2.Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — М., 1998. — С. 560.

3.Виноградов В. В. Русский язык. (Лексикология и фразеология). — М.: Наука, 1977. — 312 с.

4.Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. — М.:«Аделант»,2014.—512с.

5.Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

6.Уфимцева А. А. Лексическое значение: принципы семантического описания лексики. — М., 1988. — С. 126–127.

7.Рахматуллаев Ш. Ўзбек тили фразеологияси. — Тошкент: Фан, 2000. — 220 с.

8.Azimova S. X., Abdulhakimova M. R. qizi. The Role of Phraseological Units in Uzbek and English Dialogues // International Journal of Science and Technology. — 2025. — Vol. 2. — Issue 4. — P. 104–105.

9.Маматов А. O‘zbek tilida frazeologik birliklarning ma’no tuzilishi. — Тошкент: Fan, 2012. — С. 15–16.